ИМПЛИЦИТНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ СТРУКТУРЫ ТЕКСТА: ИССЛЕДОВАНИЕ С ПОЗИЦИИ АВТОРА И АДРЕСАТА

Аннотация: Статья посвящена проблеме имплицитности текста, исследуемой не только с позиции его автора, но и адресата. Осуществляется обзор различных направлений изучения имплицитности в отечественном языкознании. Рассматриваются разные виды и формы имплицитности в структуре текста. Анализируются результаты, полученные автором путем использования психолингвистического эксперимента. Намечаются перспективы изучения имплицитности в условиях современной коммуникации.

Ключевые слова: имплицитность, текст, содержание текста, смысл текста, пресуппозиция, импликация, метод денотативного анализа, метод «встречного текста».

Особенности исследования категории имплицитности в современной лингвистической литературе заключаются в том, что изучение данной категории осуществляется, во-первых, на материале медийных, рекламных, публицистических текстов, а во-вторых, с позиции автора. В то время как позиция адресата так и не получила достаточного внимания до настоящего времени и, в лучшем случае, лишь упоминается. Безусловно, такая ситуация имеет объяснение, связанное с отсутствием надежного инструмента изучения языкового сознания адресата.

Что касается выбора материала, упомянутого выше, он также объясним. Медийные и рекламные тексты, отчасти и публицистические произведения продолжают оставаться инструментом формирования общественного мнения в

современном мире, в последние десятилетия к ним также присоединились интернет-тексты разных видов. Задача формирования мнения социума, оказания влияния на сознание целевой аудитории предопределила особенности текстов данных типов. Именно такой особенностью и является имплицитность как их неотъемлемое свойство, вызванное необходимостью ненавязчивого формирования у адресатов того или иного отношения к определенным событиям и явлениям современной жизни. В качестве одной из форм имплицитности можно назвать имплицитную оценку. Существует мнение, что прямые, эксплицитные оценки «часто воспринимаются как нечто недопустимое», а имплицитные, с одной стороны, могут быть «выражены в тексте без каких-либо последствий для говорящего», а с другой – «легче принимаются адресатом и поэтому эффективнее воздействуют на его собственное мнение, не вызывая эмоциональной реакции или психологического отторжения» [Салтыкова 2014, с. 4-5].

Подобное мнение в связи с имплицитностью как «важнейшим средством воздействия на сознание массового читателя» высказывается и по поводу публицистического текста [Барышева 2016, с. 5].

Однако нельзя не отметить, что исследование имплицитности во всех ее аспектах, видах и формах реализации началось не сегодня, оно имеет богатую историю, без знания и понимания которой трудно оценить сегодняшнее состояние проблемы и достижения в ее изучении.

В рамках настоящей статьи мы можем позволить себе осуществить лишь небольшой исторический экскурс, отметив, что первыми в исследованиях проблем имплицитности и имплицитного смысла были, безусловно, древние греки, а именно Аристотель, занимавшийся изучением энтимемы, предполагающей пропуск посылки или заключения с целью убеждения.

Нужно сказать, что в работах отечественных лингвистов двадцатого века имплицитность изучалась в русле различных научных парадигм и на разных уровнях языковой системы, начиная со слова и словосочетания [Никитина 1966], [Власова

1973]; далее на уровне простого и сложного предложения [Колосова 1972], а затем – высказывания и текста [Арутюнова 1973], [Гальперин 1974; 1981], [Бондарко 1978].

Типичным для подобной ситуации в науке о языке является отсутствие единого толкования понятия имплицитности в различных научных парадигмах, таких как когнитивная лингвистика, прагмалингвистика, психолингвистика и т.д. Возможно, полезным в таком случае оказался бы междисциплинарный подход, поскольку многие ученые разделяют мнение о том, что противопоставление эксплицитного и имплицитного отражает дихотомию языка и мышления.

Понятие имплицитности в широком смысле зачастую связывают со способностью участников коммуникации выражать субъективные смыслы, в действительности подразумевая только говорящего. В широком смысле имплицитность предполагает нечто подразумеваемое, скрытое. Так, О.С. Ахманова характеризовала имплицитность как скрытый, подразумеваемый, не явно выраженный, редуцированный смысл [Ахманова 1966]. А.В. Бондарко называл импликацией семантические элементы, не выраженные в речевом акте языковыми средствами, но вытекающие из эксплицитно выраженных элементов [Бондарко 1978].

Различные авторы делали акцент на разных аспектах одной сущности, выделяя, например, экономию языковых средств при отображении внешнего мира в языке, возможную благодаря наличию прочных ассоциативных связей между его элементами; или подчеркивая дополнительное смысловое и эмоционально-смысловое содержание, вычленяемое посредством использования нелинейных, иерархических связей между явлениями реального мира, абстрактными понятиями и т.п.

Нельзя не упомянуть, что существует и такое мнение, в соответствии с которым невыраженного смысла не существует. Так, В.В. Химик отмечает, что понятие «невыраженный смысл» избыточно, поскольку смысл не может быть не выражен [Химик 1986, с. 24]. В соответствии с данной позицией, имплицитное содержание или имплицитный смысл не являются

невывраженными, они выражены, но особым образом; «нельзя сказать, что эксплицитное имеет свое выражение, а имплицитное не имеет. Оба они имеют свое выражение, причем именно языковое выражение, но разного рода: прямое, непосредственное и непрямоe, опосредованное» [Багдасарян 1983, с. 5].

Отмечая возможность восстановления «скрытого» смысла, многие исследователи указывали на факт его неоднозначности. В этой связи невозможно было не вспомнить об адресате информации. Из одинаковой коммуникативной ситуации участники коммуникации могут извлекать различную информацию, в зависимости от знаний, которыми они обладают, опыта, заинтересованности в получении той или иной информации [Гусейнова 1999]. Обойти проблемы имплицитности, связанные с восприятием информации, не представлялось возможным даже при отсутствии интереса к языковому сознанию коммуникантов.

Важным этапом в изучении проблемы имплицитных смыслов представляется выход за пределы предложения. Здесь следует вспомнить о двух группах имплицитных смыслов, включающих пропозитивные и субъективно-модальные значения. Первые могут быть эксплицитованы в предложении, к ним относят вторичную предикативность, пресуппозицию наличия, тождества, явления каузации. Вторые предполагают субъективное отношение говорящего, в том числе его эмоционально-оценочное, волевое отношение к тому, о чём он сообщает, к предмету речи, ситуации, к собеседнику или к себе самому [Борисова, Мартемьянов 1999].

Эмоциональный аспект выделял И.Р. Гальперин, дифференцируя смысловую и эмоциональную информацию. По его мнению, первая имеет отношение к значениям отдельных лингвистических единиц, включая слова, морфемы, грамматические формы, конструкции предложений, интонацию. Информация эмоциональная имеет своей целью не столько информировать, сколько влиять на эмоциональную сферу индивида [Гальперин 1974, с. 135].

Представляет интерес для исследований сегодняшнего дня и вопрос грани между эксплицитным и имплицитным, затронутый И.Р. Гальпериным, различавшим, как известно, три вида

информации: содержательно-фактуальную, выраженную вербально, эксплицитную; содержательно-концептуальную, не всегда имеющую достаточно явное выражение; и содержательно-подтекстовую, имплицитную, извлекаемую из имплицитной, благодаря способности единиц языка порождать ассоциативные и коннотативные значения, а также способности предложения внутри сверхфразового единства приращивать смыслы [Гальперин 1981, с. 27-28].

Делались также попытки классификации имплицитности. Так, Р.А. Унайбаева выделяет несколько типов подтекста, опираясь на имплицитность высокой, средней и нулевой степени [Унайбаева 1980]. А.П. Старкова разработала уровневую классификацию, выявив имплицитность первого уровня, поверхностную и скрытую; и глубокую имплицитность второго уровня [Старкова 1983].

В данной классификации реализуется ориентация на адресата. Первый уровень имплицитности может быть восстановлен реципиентами относительно одинаково, восстановление второго уровня имплицитности варьируется от реципиента к реципиенту в зависимости от потенциальных знаний и избранной стратегии.

О градации имплицитности и эксплицитности писала и Е.И. Шендельс, отмечая, что проблему составляет не только степень глубины имплицитных смыслов, но и сама дифференциация имплицитного и эксплицитного [Шендельс 1977].

Наши исследования глубинных структур текста с использованием метода денотативного анализа А.И. Новикова [Новиков 1983] свидетельствуют о том, что имплицитная информация разной природы является неотъемлемым компонентом содержательно-смысловой структуры текста любого типа, лежит в основе его многозначности и представляет собой мощный стимул многих вербальных реакций реципиента, составляющих механизмы понимания текста, т.е. оказывает влияние на процессы его восприятия, понимания и осмысления [Пешкова 2009].

Содержательные и смысловые компоненты текста, не получившие отображения в его внешней структуре по тем или иным причинам, таким как действие закона экономии языковых средств, табуированные понятия и явления, намеренные пропуски информации автором с целью привлечения внимания адресата и др., тем не менее присутствуют в его внутренней денотатной структуре, поскольку без них внутренняя структура может быть неполной, не соответствующей замыслу автора и даже ущербной. С позиции адресата содержание воспринимаемого им текста представляет собой динамичную модель определенного фрагмента действительности; понимание окружающего мира, отображенного в тексте с помощью языковых средств, опирается не только на знание языка, но и на энциклопедические знания адресата, а также на факты определенной предметной области, представленные в тексте, иными словами, на пресуппозицию. В своих исследованиях мы всегда исходили из постулата о содержательно-смысловой структуре текста, включающей в себя пресуппозицию и импликацию как неотъемлемые компоненты внутренней структуры [Пешкова 2009].

Отметим еще раз, что содержание речевого произведения мы понимаем как многоуровневое мыслительное образование, представленное тремя видами информации. Первый вид – это информация, возникающая непосредственно под воздействием языковых средств текста; второй вид информации включает уже известные до «встречи» адресата с текстом, «старые» знания, привлекаемые для его понимания в качестве необходимой опоры осмысления новых фактов, т.е. это то, что мы называем пресуппозицией; и третий вид представлен «новой» информацией, выводимой из содержания текста, на основании известных связей и отношений. Этот вид имплицитной информации мы называем импликацией [Пешкова 2009].

Если пресуппозиция включает в себя «старые» знания адресата текста, то импликацию составляют «новые» знания, сформировавшиеся на основе содержания сообщения в виде новых связей и отношений, возникающих между известными предметами и понятиями в процессе чтения по мере осмысления информации, а

также в форме следствий, вытекающих из названных в тексте условий и причин; и, наконец, в виде окончательных выводов из прочитанного, как «запланированных» автором текста и имплицитно присутствующих в содержании, так и незапланированных им, неожиданных, присущих отдельным реципиентам в качестве индивидуальных смыслов [Пешкова 2009]. Последние отражают позицию адресата как равноправного партнера по коммуникации.

Следует отметить, что не все исследователи дифференцируют эти два вида имплицитной информации в тексте, и мы полагаем, что это во многом связано с недостаточным вниманием исследователей к позиции адресата.

Исследования с позиции адресата, проведенные нами [Пешкова 2009] и под нашим руководством Н.В. Анохиной [Анохина 2010], опирались на метод денотативного анализа текста [Новиков 1983] и осуществлялись с использованием денотатного графа с целью наглядного графического представления результатов, а также на метод «встречного текста» [Новиков 2003]. В результате исследований мы получили подтверждение о преобладании в содержательно-смысловой структуре большинства типов текстов импликационной составляющей над пресуппозиционной, установив статистически, что во внутренней структуре речевого произведения количество денотатов, представляющих пресуппозицию, меньше количества денотатов, представляющих импликации.

Экспериментальные исследования позволили выявить несколько видов реакций реципиентов, составляющих «встречный текст», связанных непосредственно с восстановлением адресатом имплицитной информации в процессах понимания сообщения. Как мы смогли убедиться, в основе механизмов восстановления реципиентами имплицитной составляющей текста в целом при его понимании лежат такие хорошо известные и описанные нами ранее реакции, как «оценка», «мнение/оценочное мнение», «ассоциация», «ориентировка», «инфиксация», «прогноз», «аргументация», «предположение», «свободный ответ» и, безусловно, комбинированные реакции.

При этом основу механизма восстановления импликации составляют такие виды реакций, как «оценка», «мнение», «ориентировка» и «свободный ответ»; базовыми для механизма реконструкции пресуппозиции выступают реакции «инфиксация», «предположение» и «аргументация». Реакции «ассоциация» и «прогнозирование» связаны как с пресуппозицией, так и с импликацией.

Н.В. Анохиной, использующей также метод рефлексии, удалось выявить несколько стратегий восстановления скрытой информации ее адресатами, используемых в процессе понимания научно-популярного текста. Анализ стратегий показал, что в них, прежде всего, работают механизмы восстановления импликационной и пресуппозиционной составляющих [Анохина 2010].

Следует отметить, что, безусловно, не только знания, опыт и компетенции адресата, но и особенности его вербального сознания, такие как, например, склонность к проявлению эмоций, в той или иной степени, накладывают свою проекцию на используемые им стратегии реконструкции имплицитной информации текста в процессах его понимания. На сегодняшний день в качестве перспективы исследования имплицитности в тексте с позиции адресата нам видится изучение ее в связи с эмоциогенными факторами современной коммуникации.

Литература:

1. Анохина Н.В. Имплицитность как компонент структуры содержания текста и составляющая процессов его понимания: на материале научно-популярного текста. Дисс. ... канд филол. Наук. – Уфа, 2010. – 195 с.
2. Арутюнова Н.Д. Понятие пресуппозиции в лингвистике // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1973. Т.32. №1. – С. 84-89.
3. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Советская энциклопедия, 1966. – 607 с.

4. Багдасарян В.Х. Проблема имплицитного (логико-методологический анализ). – Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1983. – 139 с.
5. Барышева А.А. Имплицитность как свойство публицистического текста (на материале языка газеты). Автореф. дисс. ... канд. филол.наук. – Уфа, 2016. – 23 с.
6. Бондарко А.В. Грамматическое значение и смысл. – М.: Наука, 1978. – 175 с.
7. Борисова Е.Г., Мартемьянов Ю.С. Имплицитность в языке и речи. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 200 с.
8. Власова Н.С. К вопросу об имплицитности предложно-падежных сочетаний (на материале конструкций с предлогом *при*) // Филологические науки. 1973. № 1. – С. 63-69.
9. Гальперин И.Р. О понятии «текст» // Вопросы языкознания. 1974. № 6. – С. 68-77.
10. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М.: Наука, 1981. – 139 с.
11. Гусейнова И.А. Дескриптивные рекламные тексты как инструмент воздействия в системе маркетинговой коммуникации (на материале журнальной прессы ФРГ). Дис. ... канд. филол. наук. – М., 1999. – 223 с.
12. Колосова Т.А. Семантические отношения в сложных предложениях // Филологические науки. 1972. №5. С. 61-71.
13. Никитина С.Е. О семантическом эллипсисе в предложных сочетаниях (к постановке вопроса) // Проблемы лингвистического анализа. Фонология. Грамматика. Лексикология. – М.: Наука, 1966. – С. 140-146.
14. Новиков А.И. Семантика текста и ее формализация. – М.: Наука, 1983. – 215 с.
15. Новиков А.И. Текст и «контртекст»: две стороны процесса понимания // Вопросы психолингвистики. 2003. №1. – С. 64-70.
16. Пешкова Н.П. Имплицитность в тексте: препятствие vs. стимул и условие понимания // Вопросы психолингвистики. 2009. №9. – С. 223-236.

17. Салтыкова А.А. ИмPLICITная аксиологическая модальность в текстах СМИ. Дисс. ... канд. филол. наук. – М., 2014. – 165 с.

18. Старкова А.П. ИмPLICITность как семантическое явление и ее функции в художественном тексте. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1983. – 24 с.

19. Унайбаева Р.А. К вопросу о понятии «подтекст» // Сборник научных трудов. – М.: МГПИИЯ им. М.Тореза. 1980. Вып. 41. – С. 72-83.

20. Химик В.В. Синтаксическая позиция как средство выражения персональности высказывания // Проблемы семантики предложения: выраженный и невыраженный смысл (тезисы краевой научной конференции). – Красноярск, 1986. – С. 24-26.

21. Шендельс Е.И. ИмPLICITность в грамматике // Сборник научных трудов. – М.: МГПИИЯ им. М.Тореза. 1977. Вып. 112. – С. 23-27.

IMPLICIT COMPONENT OF THE TEXT STRUCTURE: STUDY FROM THE VIEWPOINT OF BOTH TEXT AUTHOR AND ITS ADDRESSEE

© N.P. Peshkova

Bashkir State University

32 Zaki Validi, 450076 Ufa, Russia.

Phone: +7 (347) 229-96-68.

E-mail: peshkovanp@rambler.ru

The present paper is devoted to the problem of text implicitness studied from the viewpoint of both its author and addressee. The survey of different research trends of implicitness in Russian linguistics is carried out. Various types and forms of implicit components of the text structure are considered. The results obtained by author with the use of the psycholinguistic experiment are analyzed. The prospects of studying implicitness under the conditions of modern communication are developed.

Keywords: implicitness, text, text content, text sense, presupposition, implication, denotative analysis method, internal “counter-text” method.